

10.07.2000

Домашев Антон

Сударь в гостях у «Сударушки»

Букет

для Квазимодо

Кто сказал, что эльфы живут только в сказках? Не правда! Эльфы танцуют на сценах Большого, Мариинки, Ковент-Гардена, Гранд-Опера и многих других театров. Движения их легки, а прыжки столь воздушны, что нам, простым смертным, кажется — над ними не властен закон всемирного тяготения. Одно из таких неземных созданий — солист Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, заслуженный артист РФ, лауреат премии Москвы в области литературы и искусства и просто прекрасный собеседник Антон Домашев.

Во внутреннем дворике театра, где происходила наша беседа, светило солнышко, цвели неброские цветы и из открытых окон доносилось чье-то сопрано.

Владим ГЛАДИН

О балете

— Антон, почему вы стали артистом балета? Ведь у вашей профессии даже мужского рода нет: артистка балета — артист балет, балерина — ...? Как вас называть, господин Домашев?

— Правильно говорить «балерина» и «артист балета». Вообще, это большая тема. «Ах, вы в балете? Значит, вы балерун?» И мы, поджав вот так нижнюю губу (делает презрительно-ехидную гримасу) цедим сквозь зубы: «Не балеру-у-ун, а артист балета!»

Как-то моего отца, тоже танцевавшего здесь, поджидали две замечательные, восторженные поклонницы. Одна из них: «Ах, Александр Николаевич, вы такой балерун!» Вторая поправляет: «Не балерун, а болеро!» Это к вопросу о балерунах...

А вообще у нас давняя династия. Прадед в конце прошлого века был первым танцовщиком Большого театра. Однажды Нижинский приехал в Большой, они поспорили: кто выше прыгнет. Нижинский прыгнул и оставил отпечаток ладони на штукатурке. Потом прыгнул Николай Домашев и сантиметром на десять превзошел Нижинского. На этом месте потом прибили планочки с их фамилиями. К сожалению, после революции все закрасили...

Кстати, недавно я нашел программку «Эсмеральды» за 1898 год: мой прадед исполнял в той постановке роль Квазимодо. А у меня совсем недавно была премьера — роль Квазимодо в нашем театре. Символично, правда?

Балериной Большого театра была и моя бабушка. Родители всю жизнь танцевали в Музыкальном театре им. Станиславского. Так что вопросов о моем будущем не возникало никогда. И это правильно. У меня сейчас подрастает сын. Чему я могу его научить? Только тому, что сам умею.

— О вашем театре мало пишут и говорят. И артистов плохо знают...

— Мне кажется, что пресса очень падка на скандальность. И, конечно, для всех журналистов лакомый кусочек — Большой театр. Там власть менялась, скандалы между творческим коллективом и руководством, группировки, профсоюз... У нас все гораздо спокойнее. По-моему, наш театр больше занимается творчеством.

— Балет вызывает у зрителей ощущение невесомости артистов. Но это только иллюзия, за которой — труд и травмы. Тяжело быть артистом балета?

— Все зависит от человека. Мне, например, легко. Я люблю себя помучить...

— Да вы мазохист, батенька!

— Да-а-а! Без этого нельзя. В нашей профессии обязательно надо быть немножко мазохистом. Мы каждый день занимаемся тренажным классом. Каждый день приходим, встаем к станку и делаем одно и то же. И должны это делать максимально хорошо, чтобы на каждой репетиции и спектакле подниматься на ступеньку выше... Это достаточно тяжело, потому что психика человека нестабильна. Сегодня ты себя чувствуешь так, завтра — иначе. И вот, кто сильнее, кто стабильнее, внутренне крепче, тот и добивается успехов. Тот и выживает.

Знаете, почему еще тяжела наша профессия? Результаты труда (если ты, конечно, будешь работать каждый день!) можно увидеть только через годы — после какого-то крупного спектакля или удачной роли. Я бы сказал так: у меня жестокая, но очень благодарная профессия.

— К вопросу о благодарности. Так уж повелось, что публика больше отмечает главных героев. Им — букеты, овалы. Не завидуете?

— Ну, почему... Мне тоже дарят букеты. А вообще (чего греха таить!) не скажу про нас, но в некоторых театрах ведущие не могут уйти без букета. Это — плохой тон. Иногда им или руководство покупает цветы, или же муж, жена приносит...

— Вы, в основном, играете роли мерзавцев. Не устали от них?

— Знаете, я даже в какой-то степени рад, что у меня такое амплуа, потому что отрицательные персонажи балетмейстерам удаются лучше. Может потому, что с главными героями все ясно. Любовь-морковь, лирико-героические образы. А в моих партиях можно быть гибким, разным.

— Все драматические артисты мечтают сыграть Гамлета. А о какой роли мечтаете вы?

— Мне бы хотелось, чтобы некоторые балеты вернулись в наш репертуар: «Сильфида», где я играю колдунью Медж, и «Штраусиана» в постановке Бурмейстера, в которой мне по наследству от отца доста-

лась роль военного. Очень люблю балет «Девять танго и Бах» — современную постановку балетмейстера Брянцева. Мне удалось станцевать его только один раз, после чего спектакль сняли... Надеюсь, не потому, что я в нем участвовал (заразительно смеется).

— Ваша любимая роль?

— Одна из самых любимых — Медж в «Сильфиде». Роль глубокая, заставляющая постоянно думать. Еще я очень любил танцевать Яго в «Отелло», хотя это тяжелая партия. Но было очень приятно ощущать, что отдал все до последней капли. Выкладывался полностью — как физически, так и эмоционально. Сейчас я увлечен новой работой — ролью Лысого в «Травиате». Судя по отзывам, она получилась удачной.

— А «Корсар»?

— Бирбанто? Да... Да. Да! Конечно, она тоже входит в этот ряд.

— В общем, вам нравятся все роли?

— Да, я с удовольствием работаю и люблю их все. Нельзя сказать, что на какой-то спектакль я иду со скукой. У меня всегда есть любопытство: как сложится сегодня? А недавно на премьере я поймал себя на мысли, что не волнуюсь, мне просто интересно, как сегодня все обернется, какими будут мои партнеры. Ведь от того, какими они будут, зависит и мое исполнение.

О красоте

— Ваша профессия — мир прекрасного. А что такое красота в вашем понимании?

— Если говорить о женщинах... По-моему, это — духовное раскрепощение, внутренняя свобода.

Внешность может быть не идеальной с точки зрения классических канонов красоты, но человек при этом — настолько свободен и внутренне богат, что ни на что другое не обращаешь внимания. И такую женщину уважаешь, любишь, с ней дружишь...

— Вы достаточно много путешествовали. Где самые красивые женщины?

— О-о-о... Есть отдельные «компоненты», которые мне нравятся в женщинах разных стран. Например, у итальянок — фантастические волосы и глаза, но... жут-

кие фигуры. В Греции и Турции — очень правильные лица, удлинённые пропорции... Мы — русские, естественно, нам ближе наши женщины — понятнее, роднее, душевнее.

О любви

— Балет — это, как правило, рассказ о любви. Что же такое любовь?

— Любовь — это самое дорогое чувство. Его надо беречь и стремиться находиться в этом состоянии постоянно. Любовь — это то, ради чего хочешь быть цельным, чистым, добрым, открытым, щедрым.

— Что, по-вашему, можно сделать во имя любви?

— Думаю, если человек по-настоящему любит, то в экстремальных ситуациях он может сделать то, на что не способен в повседневной жизни. А вообще, настоящие глубокие чувства проявляются в разлуке.

— У вас есть роль Ганса в «Жизели». Ситуация достаточно жизненная: двое мужчин любят одну женщину. Граф ее обманывает, Ганс же пытается спасти возлюбленную, раскрыть ей глаза на обман. Считаете ли вы, что Ганс поступает правильно?

— Я готов его понять. Ганс, как искренне любящий человек, должен всеми способами открыть глаза Жизели, показать, что она пропадет с этим человеком. И он разоблачает обманщика, доказав, что этот человек из высшего общества поиграет с ней и выкинет. За любовь надо бороться!

— Если бы вы оказались на месте своего персонажа в реальной жизни, вы поступили бы также?

— Если бы любил так же, то — да. Вообще-то, когда чувствую, что неинтересен человеку, я не навязываюсь.

О себе

— Бытовые мелочи вас касаются? К примеру, в магазин за картошкой ходите?

— Не хожу я за картошкой, честно признаюсь. Иногда только приношу тяжелые бутылки с водой — мы не пьем водопроводную. Жена у меня — замечательная, делает абсолютно все, причем настолько ловко и шустро, что я даже и не замечая, когда она все это успевает. Катерина — тоже балерина, но не классическая, а джаз-модерновая. Поскольку она — «жаворонок», то встает в шесть, занимается дома у станка, ежедневно делает полную уборку, отводит ребенка в сад, готовит мне завтрак. Ничего не упускает из виду. Я живу с ней, как у Христа за пазухой, очень ей за это благодарен. И очень люблю ее...

— Может быть, расскажете немного и о сыне?

— Микки сейчас пять лет. Полностью его зовут Микки-Энтони Домашев. Мне все говорят: ты выпендрился, имя дал какое-то не русское. Но мы так захотели. Думаю, он будет гражданином мира.

— Говорят, у вас необычное хобби...

— Я собираю видеозаписи балетных курьезов. Одно время на ТВ-6 вместе с Иваном Усачевым делал программу «Вы ищете деда?». Мы пускали в эфир разные смешные ситуации, связанные с балетом и снятые любительской видеокамерой: кто-то поскользнулся, кто-то упал, кто-то забыл свою партию... В моем театре все знают, что если на сцене с кем-то случилось что-то смешное и это удалось заснять, — все попадает в мою коллекцию.

— Коллеги не обижаетесь?

— Нет. Правда, пару раз мне говорили: «Ты меня, не предупредив, показал в своей программе!» Но обычно я спрашиваю артиста, можно ли показать какой-то сюжет или нет.

— Драматические артисты часто разыгрывают партнеров на сцене. А в балете такое бывает?

— Иногда случается. С моим отцом когда-то произошла такая история. Когда он после училища пришел в театр, его сразу назначили в спектакль «Берег счастья». Ему нужно было пройти в строе солдата по заданному плану сцены. Подошло время выходить на сцену, и вдруг кто-то из бывалых спра-

Владим ГЛАДИН

шивает: «Кто за Петрова?» Отец испуганно: «Я!» — «Ну, если ты, то тащи гранатомет». А надо отметить, что за кулисами довольно темно. И вот на отца взваливают что-то огромное, тяжелое и ужасно вонючее. Выйдя на середину сцены, он понимает, что... несет огромную ржавую канализационную трубу. Зрители в недоумении, а артисты — бьются в истерику от хохота. Еле-еле его с трубой за кулисы затолкали...

— Когда слышишь про кого-то «заслуженный артист», сразу представляешь себе человека «в возрасте». Сколько вам было лет, когда вы получили это звание?

— Двадцать восемь, а было это два года назад. Тогда же я получил и звание лауреата премии Москвы: Лужков вручил за роль Ирода в балете «Саломея».

— Многие из нас в сегодняшней жизни не чувствуют себя комфортно. Кто-то хотел бы очутиться во Франции времен мушкетеров, кто-то грезит о диком Западе. В какую эпоху хотели бы жить вы?

— Я бы хорошо себя чувствовал во времена брежневского застоя, когда жили и работали мои родители. Они прожили счастливую, замечательную жизнь. И не чувствовали себя в пригорыще от того, что целиком отдавали себя работе. Тогда считалось престижным быть режиссером или артистом балета, выезжать за рубеж... А сейчас полно людей, которые неизвестно чем занимаются, при этом пресупевают, откуда-то добывают деньги, машины... Вот в те времена я наверняка добился бы большого успеха. Сейчас я порой сомневаюсь, правильно ли поступил, став артистом, может, следовало бы заняться чем-то другим... Зарплаты у нас — сами знаете какие. Для того, чтобы свести концы с концами, приходится искать приработки, ездить на какие-то гастроли. Ведь по большей части мы, артисты балета, — альтруисты, работаем почти бесплатно, потому что безумно любим свою профессию, многие просто без нее жить не могут! Не исключаю, что мне вскоре придется заняться каким-нибудь другим делом, ради будущего сына чем-то пожертвовать.

— Неужели балетом?

— Разумеется, я прикипел к нему на всю жизнь. Но наступит время, когда я вынужден буду заниматься балетом там, где платить мне будут столько, во сколько себя оцениваю. Есть такие страны, где каторжную работу достойно оплачивают.

Мы обладаем бесценной школой, и весь мир жаждал, чтобы русские педагоги учили их детей русскому балету. Не английскому, не французскому, а именно русскому! Так что можно открывать свои школы. В области балета мы все еще впереди планеты всей!

Ирина АФАНАСЬЕВА

Владим ГЛАДИН

202